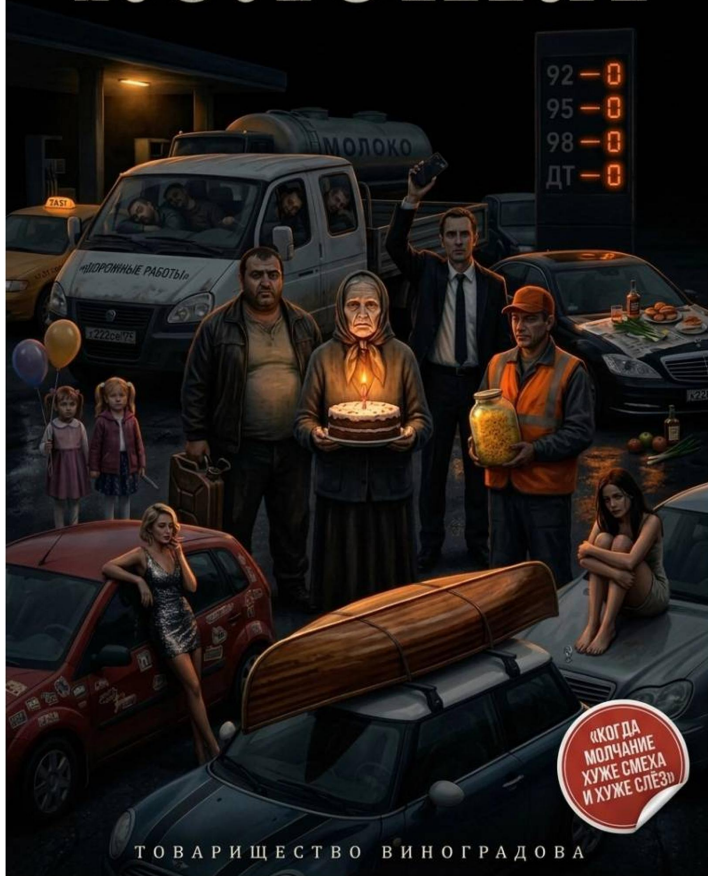

МИХАИЛ ВИНОГРАДОВ

КОЛОНКА

ТОВАРИЩЕСТВО ВИНОГРАДОВА

Михаил Виноградов

Колонка / Задержан

<https://litres.ru/74485609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Колонка: Бензиновый кризис. Автоматическая заправка на пустом шоссе, где к сумеркам очередь умерла своей смертью. Люди толкают чужие машины к мёртвым колонкам и накрывают стол на капоте.

Задержан: Аэропорт закрыт. Люди ждут вылета, постепенно теряя лица. Всё снова обнулилось и потеряло смысл. А что делать? Приметы времени.

Две мрачные повести Михаила Виноградова о том, чему равняется всё нажитое, когда над головами горит колонка нулей.

Содержание

Колонка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Виноградов

Колонка / Задержан

Колонка

К сумеркам очередь умерла своей смертью.

Ещё в полдень она тянулась от колонок до самого поворота, дышала, гудела, переругивалась; потом те, у кого в баках ещё плескалось, развернулись и уехали — не сказав ни слова, как уходят с поминок, пока не начали петь. А остальные остались стоять там, где их застало: одна машина под знаком «Обгон запрещён»; другая на обочине; третья и вовсе поперёк, будто её бросили на бегу. Шоссе лежало пустое в обе стороны, и по нему отчего-то никто не ехал, что само по себе было странно, потому что по шоссе всегда кто-то едет, а тут — ни фуры, ни мотоцикла, ни даже той пыли, что подымается неизвестно от чего. Интернет глушили. Телефоны показывали палочки, все четыре, ровные и полные, такие настоящие, будто их показывали по телевизору. Заправка была автоматическая — ни кассы, ни окошка, ни девушки в форменной рубашке, ни горячих сосисок, одни только колонки с чёрными шлангами, торчащие из бетона, как банда одноруких бандитов, потерявших в прериях смысл, да табло над ними, на котором всё ещё светились цены.

Без человека она обходилась превосходно.

Людей набралась горстка, и надобно о них сказать, потому что больше на заправке ничего не происходило и говорить, стало быть, больше не о чем. Такси — старое, битое, с оранжевой шашечкой; водитель — толстый армянин, человек такой полноты и добродушия, что казалось, его самого можно было бы завести и поехать; он крутил в пальцах ключи и всё говорил «щас, щас», обращаясь неизвестно к кому, и от этого «щас» становилось только хуже. Пассажирка его, старушка в платке, ехала к дочери — как ездят к дочери раз в год, со всем, что можно увезти: вёдрами, накрытыми газетой, узлом и полотенцем, в которое было завернуто что-то ещё тёплое, — и теперь сидела на заднем сиденье прямо, как в церкви, и не жаловалась, потому что видела вещи и похуже и знала, что жаловаться некому. Газель с надписью «Дорожные работы» стояла с приоткрытыми окнами, и в ней спали пятеро — спали так, как спят люди, привыкшие спать где придётся: молча, вповалку, не просыпаясь ни от криков, ни от света. Лица их, прижатые к стёклам изнутри, были как лица в окне вагона, который никуда не идёт. Красненькая машинка, вся в наклейках, везла трёх девочек — куда-то на день рождения, с шариками и в платьях, в каких не выходят на трассу; они сперва снимали всё на телефон, потом обнаружили, что отснятое никуда не выложить, и притихли. Мерседес был — чёрный, длинный, с такими стёклами, что за ними могло не быть никого; но кое-кто там был — человек в пиджаке, ко-

торый прежде только один раз сидел так долго на одном месте, но не любил вспоминать ни то место, ни то время, — и шофёр в белой рубашке, у которого была одна обязанность, довезти, и обязанность эта теперь лежала между ними на кожаном сиденье, как дохлая птица. Хипстер приехал на миникупере, а на крыше у купера лежало каноэ, деревянное, лакированное, выструганное явно для другой какой-то жизни; и когда он выходил из машины, все посмотрели сперва на него, потом на каноэ, потом друг на друга — и никто ничего не сказал, потому что, если разобраться, только его транспорт мог обходиться без бензина. Был ещё сторож, крошечный таджик в оранжевом жилете; он вышел, посмотрел на очередь тем взглядом, каким смотрят люди, заметившие на поляне стаю волков, и ушёл в будку, и запер дверь, и включил радио, из которого ничего не было слышно, кроме шороха, но шорох этот он слушал внимательно, как сводку.

Мужчины принялись за машины сами, без уговора и без начальства, отчего дело сразу пошло быстро. Шли по обочине к очередной, мёртвой, впрягались — армянин сзади, шофёр в белой рубашке сбоку, держа, как и положено шофёру, руль, хипстер у правой двери, а человек в пиджаке брался одной рукой за багажник и катил вместе со всеми, и никто этому не удивлялся, потому что мерседес, докатившись до колонки, стоил ровно столько же, сколько такси, а такси — сколько красненькая машинка, а все они вместе — сколько было в шланге, то есть ничего. Толкали, ставили, шли за сле-

дующей. И странное дело: работа эта, бессмысленная и тяжёлая, вскорости сделалась игрой — спорили, куда ставить, кричали «раз-два», хипстер придумал считать очки, армянин смеялся всем животом, — и машины выстраивались у колонок ровно, одна за другой, чёрные, жёлтые, красные, точно костяшки, которые кто-то невидимый выкладывал в ряд и вот-вот собирался толкнуть первую. К тому времени стемнело так, что видны были только контуры, и в поле за заправкой что-то ходило — не зверь и не человек, а просто ходило, шуршало сухой травой в одном месте, потом в другом, и все делали вид, что не слышат, потому что услышать это было бы уже невозможно. Ветер дул с той стороны, откуда должен был приехать бензовоз, и приносил запах — не бензина, а чего-то горелого и сладкого, как от костра, в котором жгут не дрова. Из газели донеслось пение: дорожники пели во сне, все пятеро, тихо и в лад, на своём языке, и было в этом пении больше жизни, чем во всех, кто бодрствовал.

Живое здесь полагалось уже только спящим.

Стол собрался сам собой, как собирается панихида: никто не звал, а каждый принёс своё. Накрывали на капоте мерседеса, потому что капот был самый широкий и плоский. Старушка первая развернула полотенце — там были пирожки, ещё не остывшие, будто время в её узле шло медленнее, чем снаружи, — потом сняла газету с вёдер, и в вёдрах оказались яблоки, а сверху пучок лука толщиной с руку; она выложила всё это на капот ровно и не глядя. Шофёр, с разрешения, вы-

нес из дверцы бутылку виски, плитку импортного шоколада и нарезку сальчичона, тонкую, как намёк, — вынес с таким лицом, будто спас из горящего дома что-то не то. Девочки принесли из багажника торт, в коробке с прозрачным окошком, и воткнули в него свечи, но зажигать не стали, потому что все разом поняли, на что это будет похоже. Хипстер принёс пакет сушёного манго, и манго это никто не понял, но положили и его. Армянин порылся в багажнике и поставил рядом с капотом канистру — пустую, гулкую, — просто чтобы тоже что-то поставить. А потом открылась дверь газели, и вылез один из пятерых, старший, с лицом, на котором сон и явь давно не разделялись, и в руках у него была трёхлитровая банка, а в банке — жёлтый рис, прижатый к стеклу изнутри, как ещё одна бригада дорожников, маленьких и жёлтых; он поставил её на капот, сказал «кушайте», и остался стоять — а из газели за его спиной продолжали петь. Рабочему тут же всучили яблоко и пирожок. И вышел стол, каких не бывает, где рис лежит на газете рядом с колбасой, торт без огня — рядом с луком, а швейцарский шоколад разломан на всех, как просфора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.